

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-19-29

УДК 821.161.1-3:821.512.145

Научная статья / Research article

Рецепция творчества Ф.М. Достоевского в татарской литературе и литературоведении

А.Ф. Галимуллина¹, Р.Х. Шарьяфетдинов²✉

¹ Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

² Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, Малая Пироговская, 1, стр. 1

✉ rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Аннотация. В статье рассматривается обращение татарских писателей к творчеству Ф.М. Достоевского, диалог с писателем в их произведениях, а также исследуется перевод романа «Преступление и наказание» на татарский язык. Изучение диалогических связей татарских писателей с творчеством Ф.М. Достоевского современными казанскими литературоведами способствует выявлению сложной и многоаспектной истории взаимодействия татарских писателей XX века с русской классикой. Изучив научные труды В.Р. Аминовой, Л.К. Байрамовой, Д.Р. Москалевой, К.С. Миннибаева, Э.Г. Нигматуллина, Ю.Г. Нигматуллиной, М.М. Хабутдиновой, З.З. Шагиахметова, а также перевод романа «Преступление и наказание» Р. Даутова, можно сделать вывод о том, что в творчестве Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, А. Гилязова обращение к художественному и философскому наследию Ф.М. Достоевского проявилось в творческом и оригинальном осмыслении нравственно-философских идей и глубокого психологизма русского классика, стремлением через призму его идей полнее раскрыть явления современной татарской действительности.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, татарская литература, художественный перевод, сопоставительный анализ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 28 августа 2021 г.; откорректирована — 30 ноября 2021 г.; принята к публикации — 1 декабря 2021 г.

Для цитирования: Галимуллина А.Ф., Шарьяфетдинов Р.Х. Рецепция творчества Ф.М. Достоевского в татарской литературе и литературоведении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 19–29. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-19-29>

Reception of F.M. Dostoevsky's Works in Tatar Literature and Literary Criticism

Alfiya F. Galimullina¹, Ramil Kh. Sharyafetdinov²

¹ Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation

² Moscow Pedagogical State University,
1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, 119991, Russian Federation

 rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Abstract. The article examines the appeal of Tatar writers to the work of F.M. Dostoevsky, the dialogue with the writer in their works. It also analyzes the translation of the novel *Crime and Punishment* into the Tatar language. The study of dialogical relations of Tatar writers with the work of F.M. Dostoevsky by modern Kazan literary critics helps to identify the complex and multidimensional history of interaction of Tatar writers of the twentieth century with Russian classics. Having studied the scientific works of V.R. Amineva, L.K. Bayramova, D.R. Moskaleva, K.S. Minnibaev, E.G. Nigmatullina, Yu.G. Nigmatullina, M.M. Khabutdinova, Z.Z. Shagiakhmetov, as well as the translation of the novel *Crime and Punishment* by R. Dautov, it was concluded that in the works of G. Iskhaki, F. Amirkhan, G. Ibragimov, A. Gilyazov, an appeal to the artistic and philosophical heritage of F.M. Dostoevsky was manifested in the creative and original understanding of the moral and philosophical ideas and deep psychologism of the Russian classic, the desire to reveal the phenomena of modern Tatar reality more fully through the prism of his ideas.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Tatar literature, literary translation, comparative analysis

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: August 28, 2021; revised: November 30, 2021; accepted: December 1, 2021.

For citation: Galimullina, A.F., & Sharyafetdinov, R.Kh. (2022) Reception of F.M. Dostoevsky's works in Tatar literature and literary criticism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 19–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-19-29>

Введение

В установлении тесных татарско-русских литературных взаимосвязей в XX веке большую роль сыграл художественный перевод, способствовавший взаимообогащению литератур. В 1920–1950-е годы переводы с русского языка на татарский и с татарского на русский язык проводились планомерно: переводы произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького и других русских писателей на татарский язык проводились систематически и пользовались большой популярностью. В отличие от А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого произведения кото-

рых, неоднократно переводились на татарский язык (Нигматуллин, 2002, с. 176), философская проза Ф.М. Достоевского не привлекала татарских переводчиков, за исключением романа «Преступление и наказание» (1974) (Достоевский, 1974). Переводчика Раиса Даутова интересовал психологизм переводимых произведений, переживания героя, поэтому он сделал прекрасный перевод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Обсуждение

К.С. Миннибаев, высоко оценивая художественные достоинства татарского перевода романа Ф.М. Достоевского, выполненного известным татарским переводчиком Раисом Науширвановичем Даутовым (1928–2007), назвал его основное переводческое кредо: «...чтобы книга читалась, воспринималась как оригинальная, как можно полнее отражала художественно-эмоциональный уровень оригинала и стиль самого автора» (Миннибаев, 2004, с. 147). К.С. Миннибаев отмечал, что сложнейший философско-психологический роман Ф.М. Достоевского переведен адекватно, в нем «...учтены и закон сингармонизма, и традиция повествования классика русской литературы. Продолжая изучать творчество классика русской литературы, Р.Н. Даутов мечтает еще довести до нашего читателя не менее значимый роман того же автора — „Братья Карамазовы“» (Миннибаев, 2004, с. 147). Возможно, по каким-то причинам перевод романа «Братья Карамазовы» не был осуществлен Р. Даутовым, этот перевод нам не удалось обнаружить. В библиографическом указателе переводов произведений русской литературы на татарский язык, составленном и изданном Э.Г. Нигматуллиным, назван только роман «Преступление и наказание в переводе Р.Н. Даутова (Нигматуллин, 2002, с. 31). Заметим, что в романе сохранены русские имена героев, географические названия, деление на главы, переводчик сохранил также и все эпизоды романа. В то же время с целью сохранения аутентичности восприятия переводного текста некоторые слова, вставные элементы, такие, как, например, текст песни оставляется без перевода, а татарский перевод отнесен в сноску, что позволяет передать впечатление от песни (Достоевский, 1974, с. 13). Характеризуя психологическое состояние Раскольникова, переводчик адекватно переводит на татарский язык, находя соответствующую психологически окрашенную татарскую лексику, оставляя непереуведенным только научное название «ипохондрия» (Достоевский, 1974, с. 4).

Переводчик прибегает и к таким выразительным средствам графического акцентирования значения слов, как *курсивное выделение*. Так, в размышлениях Родиона Раскольникова курсивом выделяется словосочетание «ул эшне» («того дела»), «сынап карарга» (в значении «проба»), под которым понимается убийство процентщицы (Достоевский, 1974, с. 4–5, 7). В целом роман русского классика на татарском языке звучит органично, потому что переводчик подобрал аутентичные эквиваленты на татарском языке,

что ярко демонстрирует портретное описание (Достоевский, 1974, с. 255). Безусловно, невозможно такое объемное произведение, как роман, полностью перевести эквивалентной лексикой. Особую трудность в переводе представляют фразеологизмы и библеизмы.

Исследованию специфики перевода фразеологизмов романа Ф.М. Достоевского на татарский и французский языки посвящена статья Л.К. Байрамовой и Д.Р. Москалевой (Байрамова, 2011, с. 155–160). Рассмотрев 400 фразеологизмов, репрезентирующих 274 фразеосемантические группы, среди которых можно указать эмоциональное и физическое состояние человека, внешность, материальное положение, образ жизни, особое место в романе занимают фразеологизмы: библеизмы «нести свой крест», Ноев ковчег и др. В ходе сопоставительного анализа русского текста оригинала с переводами на татарский и французский языки исследователи пришли к аргументированному многими примерами выводу об общезыковой антропоцентрической направленности фразеологии и специфическом отражении действительности носителями русского, татарского и французского языков, при этом «вид эквивалентности перевода фразеологизмов на татарский и французский языки относительно исходных русских фразеологизмов не всегда совпадает. Русский фразеологизм может быть переведен на один язык полным эквивалентом, а на другой язык — частичным эквивалентом, или в одном переводе может фигурировать аналог, а в другом калька» (Байрамова, 2011, с. 159).

В казанском литературоведении конца XX — первых десятилетий XXI века сложилась традиция выявления типологических связей между произведениями татарских писателей XX века и творчеством Ф.М. Достоевского. Так, например, в монографии Ю.Г. Нигматуллиной «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур» (1997) творчество Ф.М. Достоевского рассматривается в главе «Полилог культурных традиций в татарской литературе начала XX века» как один из вариантов *полифонического* использования «чужого текста» (Нигматуллина, 1997, с. 126).

Понятие «полифоническое мышление» после трудов М.М. Бахтина ассоциируется с творчеством Ф.М. Достоевского. Исследователи неоднократно отмечали значение принципа доминанты в психологической характеристике героя у Ф.М. Достоевского, обусловленность характера и поведения героя господствующей «идеей-страстью» (Бахтин, 1963, с. 121).

Как отмечает Ю.Г. Нигматуллина, «эта особенность психологического анализа в полифонических романах Ф.М. Достоевского проявляется и в отношении героев романа к образам и фактам другой национальной культуры. „Чужой текст“ дается писателем через восприятие героев с самым различным, „диалогически противопоставленным“ мировоззрением, поэтому оценивается по-разному и, главное, как и все идеологические споры у Ф.М. Достоевского, остается „незавершенным“» (Нигматуллина, 1997, с. 126–127). Эти свои наблюдения исследователь раскрывает на примере осмысления писателем в по-

добном полифоническом плане образа мусульманского пророка Магомеда, интерес к его личности у Ф.М. Достоевского «был вызван не столько „психологией“ болезни, сколько значимостью ее для писателя в решении философских, религиозных, нравственных проблем. Вместе с тем автор использует в своих произведениях имя Магомета и в психологической характеристике своих героев» (Нигматуллина, 1997, с. 132). Рассмотрение природы полифонизма в романах Ф.М. Достоевского позволило казанскому исследователю установить типологические схождения с произведениями татарского писателя, философа Гаяза Исхаки с точки зрения изучения иных вариантов «полифонического отношения к „чужому тексту“ в татарской литературе начала XX века» (Нигматуллина, 1997, с. 133).

Ю.Г. Нигматуллина из многогранного творчества прозаика и драматурга Г. Исхаки, рассматривая специфику проявления полифонизма, анализирует два произведения: роман «Теләнче кызы» («Нищенка»), написанный в 1907–1914 годах, и пьесу «Мөгаллимэ» («Учительница»), произведение 1913 года. Как отмечает исследователь, хотя Г. Исхаки называл среди писателей, оказавших на его творчество значительное влияние, и русских классиков — И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя (Исхакий, 1991, с. 15), но на глубинном уровне художественного творчества к этому списку имен русских писателей следует отнести также и Ф.М. Достоевского, воздействие которого на Исхаки и следы этого воздействия не лежали на поверхности текста.

На примере романа Г. Исхаки «Нищенка» (1901–1908) Ю.Г. Нигматуллина аргументирует свое наблюдение, которое проявляется в раскрытии проблемы счастья, которое не может быть достигнуто подражанием кому-то, кто в данный момент представляется герою идеалом. Подобная полемическая установка (эта идея шла вразрез с идеями татарской просветительской прозы конца XIX — начала XX века) дана в самом начале романа: девочку, родившуюся в семье деревенского бедняка, называли «Сагадат» (счастье) потому, что таким было имя дочери деревенского хозрета (Нигматуллина, 1997, с. 134–136). По мнению Ю.Г. Нигматуллиной, ассоциацию с романом Ф.М. Достоевского вызывает тема молитвы, являющаяся важным средством характеристики обездоленных, и становится символом сострадания, глубокой человечности, способности бедных и нищих прийти на помощь друг другу в трудную минуту (Нигматуллина, 1997, с. 134–139), а также понимание глубины трагедии «падшей женщины», использование Г. Исхаки слова «чистота» применительно к жизни и быту публичной женщины (Нигматуллина, 1997, с. 139–140). Таким образом, выражение «особая чистота» получает множество смысловых оттенков и у Ф.М. Достоевского, и у Г. Исхаки, становясь фокусом трагедийности судьбы.

Современные литературоведы устанавливают *диахронические взаимосвязи* русской и татарской литератур. В этой связи выявляются типологические схождения и влияние Ф.М. Достоевского на творчество писателей второй половины XX века. Так, например, М.М. Хабутдинова исследует роль

Ф.М. Достоевского в формировании известного татарского прозаика и драматурга Аяза Гилязова (1928–2002) как писателя (Хабутдинова, 2011, с. 258–265).

В статье «Роль Ф.М. Достоевского в формировании Аяза Гилязова как писателя» (2011) на основе изучения дневниковых записей и романа «Давайте, помолимся!» (1991–1993) исследователь раскрывает характер влияния Ф.М. Достоевского на становление А. Гилязова приходит к выводу: «Читая исповедь Мармеладова, юноша видел перед собой миллионы своих современников, которым также было „уже больше некуда идти“. А. Гилязов черпал силу и веру в себя в наследии русского классика. „Муки и слезы — ведь это тоже жизнь“. „В несчастье яснее истина“ — вот что он взял на вооружение у Ф.М. Достоевского. Эти ставшие крылатыми слова помогли ему не только пережить трудности послевоенных лагерей, но и сформировать жизненное кредо» (*Подстр. пер. М.М. Хабутдиновой*) (Гыйләжев, 1997, с. 76–77).

Исследователь отмечает, что уже в первых произведениях А. Гилязова обнаруживается не ученическое подражание, не эпигонство, а «сочетание самых разнообразных мотивов и художественных традиций собственно национальной и мировой культуры (Ф.М. Достоевского, Г. Ибрагимова, Х. Такташа). В качестве примера в статье дан подробный анализ новеллы «Гибель гитариста» А. Гилязова, на основе которого сформулирован вывод: «Вслед за автором „Преступления и наказания“ татарский писатель в „Гибели гитариста“ с мучительной болью пишет о царящей в мире несправедливости, размышляет о свободе существования человека. Однако, в отличие от Ф.М. Достоевского, «психологическое письмо» А. Гилязова по цензурным соображениям более зашифровано мифологическими кодами. В 1940–1950-е годы содержание этого произведения могло навлечь на его создателя обвинение в очернении советской действительности» (Хабутдинова, 2011, с. 260).

М.М. Хабутдинова убедительно показывает, что А. Гилязов верен традициям русского классика в изображении сложности и парадоксальности душевной жизни, расщепленности человеческой психики (архетипы двойничества), огромной сфере и роли бессознательного, проявляющегося чаще всего в болезненном состоянии человека, припадках, снах: «Основная часть новеллы посвящена описанию одного дня из жизни юноши, вернувшегося в деревню из города. Данил — ученик музыкальной школы. <...> Данил вернулся домой из-за болезни. Юноша напоминает нам героев Ф.М. Достоевского с мятущейся душой, находящихся во власти аффекта. Татарскому писателю удалось блестяще передать нарастание нервной раздражительности в герое» (Хабутдинова, 2011, с. 261).

Ученый показывает оригинальность и самостоятельность творчества А. Гилязова, который, обращаясь к традиции русского писателя, находит свой путь в изображении сложной и неоднозначной действительности. После возвращения из сталинских лагерей татарский писатель вновь обратился к творчеству Ф.М. Достоевского, прочитал его роман «Записки из мертвого

дома», об этом он написал в романе «Давайте помолимся!». Исследователь первой обратила внимание, что в этом романе А. Гилязов восхищается стойкостью Ф.М. Достоевского: «Взяв в руки перо, подавляя в себе чувство яростной тоски, я читал, затаив дыхание, восхищаясь талантом Ф.М. Достоевского в раскрытии души человеческой. Да, кого-то тюрьма-каторги раздавили, превратили в духовного инвалида, наделили чувством подавленности, а Ф.М. Достоевский вышел из тюрьмы пророком» (Хабутдинова, 2011, с. 264).

Безусловно, писатель, создавая оригинальные произведения на современную тематику, творчески осмыслил в них художественные приемы Ф.М. Достоевского. Об этом свидетельствуют исследования М.М. Хабутдиновой, З.З. Шагиахметова.

Так, например, З.З. Шагиахметов в статье анализирует художественное воплощение мотива *жертвенности* в произведениях Ф.М. Достоевского «Идиот», «Бесы» и А. Гилязова (1928–2002) «В пятницу вечером» (1979) и «За улицами луга зеленые» (1969). По наблюдениям исследователя, сюжетообразующие функции мотива жертвенности в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» и в повести А. Гилязова «В пятницу вечером» проявляются в том, что «жертвы героев являются завязкой многих конфликтных ситуаций (например, сталкиваются жертвы мнимые и истинные), само решение героя пожертвовать своей жизнью влечет за собой изменения в судьбах многих героев, берет верх над другими желаниями и стремлениями, помогая им в достижении поставленных целей» (Шагиахметов, 2006, с. 68).

В ходе сопоставительного анализа З.З. Шагиахметов выявляет сужение пространства, связанное во многом именно с изменениями в сознании героев, определяя типологические схождения, выражающиеся в том, что мотив жертвенности выполняет сюжетообразующую функцию и определяет концептуальные мотивировки пространственно-временных отношений в произведениях Ф.М. Достоевского и А. Гилязова. Одновременно З.З. Шагиахметов указывает и на существенное различие в художественном воплощении мотива жертвенности: «Если жертва Бибинур и Мирзахит делает жизнь окружающих лучше, открывает глаза еще не погибшим людям, то жертвы Настасьи Филипповны и Кириллова сеют повсюду хаос и дисгармонию. Это можно объяснить своеобразием мировосприятия людей, представляющих разные культурные традиции, особенностями индивидуально-авторского видения мира, различием культурно-исторических эпох» (Шагиахметов, 2006, с. 71).

В ряде работ казанские исследователи выявляют *типологические схождения* в творчестве татарских писателей с произведениями Ф.М. Достоевского. Так, исследователь В.Р. Аминева проводит сопоставительный анализ романов Г. Исхаки «Телэнче кызы» («Нищенка», 1907–1914) и Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868) в аспекте специфики функционирования в них образов-символов (Аминева, 2010, с. 113–127). На примере символических образов ножа и креста в романе Ф.М. Достоевского она приходит к выводу о том, что в результате «напряженного стяжения составляющих оппозицию семантических компонентов символы Ф.М. Достоевского оказываются по-

тенциальными носителями поля смыслов, размыкающих их границы в пространство, в котором пересекаются любовь и ненависть, искреннее чувство дружбы и смертельная вражда, жалость и ревность, бунт и смирение». В.Р. Аминева на примере символики образа колодца (зиндана) в романе Г. Исхаки «Нищенка» показывает, что в «татарской литературе начала XX века символы не обладают потенциалом смысловой бесконечности» (Аминева, 2010, с. 117). «В тяжелые минуты жизни героиня романа Г. Исхаки — Сагадат чувствует себя брошенной на дно глубокого колодца» (Аминева, 2010, с. 117).

В.Р. Аминева в ходе сопоставительного анализа выявляет сходство и различие в художественно-психологическом методе познания русских и татарских писателей и приходит к следующим выводам: «Интерес к душевной драме личности, ее нравственным исканиям, диалектике внутренних конфликтов сближает русских и татарских писателей. Интерпретация психических структур, эмоций и переживаний дается в сопоставляемых произведениях в экзистенциальном ключе и «подчиняется» философско-эстетической и социально-психологической проблематике. Но если раздвоенность героев Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого является прежде всего следствием неоднородности самой их природной сущности, то двойственность персонажей татарских авторов порождена кризисным состоянием современной им действительности (Ф. Амирхан «Хаят», Г. Исхаки «Жизнь ли это?») или неразрешимыми противоречиями бытия, универсальными коллизиями жизни и смерти (Ф. Амирхан «Когда погасло пламя»), любви и измены, вины и прощения (Г. Исхаки «Нищенка»), счастья и долга (Г. Исхаки «Супруга мульты»)» (Аминева, 2010, с. 313–314).

Исследователь В.Р. Аминева отмечает самостоятельный характер творчества татарских писателей начала XX века, творческий характер усвоения ими опыта русских классиков и приходит к следующим теоретическим выводам: «В татарской литературе начала XX века формируется психологизм как стилевая доминанта, эстетическое образование, определяющее художественное своеобразие произведений и подчиняющее себе строение всей художественной формы, перекликающийся с психологизмом Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского и имеющий свои национальные истоки» (Аминева, 2010, с. 351).

Заключение

В 1970–2020-е годы в трудах казанских литературоведов наметилась тенденция рассмотрения основных этапов развития русской и татарской литератур и отдельных писателей в широком историко-литературном контексте. Вопрос о взаимосвязях национальных литератур, в том числе и русско-татарской межлитературной рецепции, рассматривается сравнительным и сопоставительным литературоведением. В изучении русско-татарских литературных взаимосвязей доминирует типологический тип иссле-

дования, предполагающий определение условий возникновения и развития однородных литературных явлений и процессов. Данный тип исследования позволил казанским литературоведам В.Р. Аминовой, Л.К. Байрамовой, Р.Ф. Бекметову, Р.К. Ганиевой, А.Ф. Галимуллиной, М.И. Ибрагимову, Д.Р. Москалевой, Э.Ф. Нагумановой, Э.Г. Нигматуллину, Ю.Г. Нигматуллиной, Я.Г. Сафиуллину, А.М. Саяповой, М.М. Хабутдиновой, А.З. Хабибуллиной провести анализ русско-татарских взаимосвязей в контексте системно-комплексного изучения литературы и искусства, в рамках интеграционных исследований гуманитарных и социальных наук, взаимодействия концептуалистики, методологии и приемов исследования, свойственных различным направлениям обществознания.

Ретроспективная модель развития (литературы), предложенная Ю.Г. Нигматуллиной (Нигматуллина, 1997, с. 192), позволяет провести типологический анализ произведений, принадлежащих разным периодам развития русской и татарской литератур, делать качественный анализ самого художественного текста и выявить его внутрикультурные (внутрилитературные) взаимосвязи по временной вертикали и определить типологическое сходство с художественными произведениями других литератур. Образец такого подхода дает Ю.Г. Нигматуллина на примере типологического анализа творчества Ф.М. Достоевского и Г. Исхаки. В монографии В.Р. Аминовой диалогические отношения между национальными литературами рассматриваются как формы межлитературного процесса, принципиально отличающиеся от контактных связей и типологических схождений. В частности, природа диалога, его всеобъемлющий характер и активные функции демонстрируются в работе в сопоставительном анализе произведений Ф.М. Достоевского и творчества татарских писателей первой половины XX века (Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Рахима, Г. Ибрагимова).

Проблема рецепции произведений Ф.М. Достоевского в творчестве писателей второй половины XX века на примере А. Гилязова убедительно демонстрируется в трудах М.М. Хабутдиновой, которая активно привлекает в своих исследованиях не только художественные произведения татарской литературы, но и газетные и журнальные статьи, архивные материалы (письма, мемуары), зачастую впервые вводя в научный круг (Хабутдинова, 2011, с. 265).

Таким образом, рассмотренные в данной статье труды современных казанских литературоведов, их теоретические выводы и наблюдения могут стать методологической основой для дальнейшего проведения сопоставительного анализа произведений русской и татарской литератур.

Библиографический список

Аминева В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX века и татарских прозаиков первой трети XX века). Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 476 с.

Аmineва В.Р. Ф.М. Достоевский и Г. Ибрагимов: типы диалогических отношений // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (1–2 апреля 2010 г.). Вып. 4. М.; Ярославль: Ремдер, 2010. С. 41–44.

Байрамова Л.К., Москалева Д.Р. Перевод фразеологии романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на татарский и французский языки // Вестник Татарского государственного гуманитарного университета [Вестник ТГГУ]. 2011. № 4 (26). С. 155–160.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Гыйләжәв А. Йәгез, бер дога! Роман-хәтирә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 448 с.

Достоевский Ф.М. Жинәят һәм җәза / Рәис Даутов тәржемәсе. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 690 с.

Исхакый Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. Казан, 1991. С. 15.

Каримуллин А.Г. Татарская литература в переводах на русский язык (библиографический указатель. 1917–1960). Казань: Казан. ун-т, 1962. 88 с.

Миннибаев К.С. Перевод — это искусство: золотой век. Казань: Каз. ун-т, 2004. 196 с.

Нигматуллин Э.Г. Диалог литератур: указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык. Казань: Унипресс, 2002. 176 с.

Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 192 с.

Хабутдинова М.М. Роль Ф.М. Достоевского в формировании Аяза Гилязова как писателя // Вестник Татарского государственного гуманитарного университета [Вестник ТГГУ]. 2011. № 4 (26). С. 258–265.

Шагуахметов З.З. Мотив жертвенности в произведениях Ф.М. Достоевского и А. Гилязова // Диалог культур: русско-татарские взаимосвязи. Ч. III. Вып. 2. М., Ярославль: Ремдер, 2006. С. 68–72.

References

Amineva, V.R. (2010). F.M. Dostoevsky and H. Ibragimov: Types of Dialogical Relations. *Problems of Philology of the Peoples of the Volga Region. Materials of All-Russian Scientific-practical Conference. April 1–2, 2010.* (Vol. 4, pp. 41–44). Moscow, Yaroslavl: Remder publ. (In Russ.)

Amineva, V.R. (2010). *Types of Dialogical Relations between National Literatures (Based on the Works of Russian Writers of the Second Half of the XIX Century and Tatar Prose Writers of the First Third of the XX Century)*. Kazan: Kazan. GOS. UN-t publ. (In Russ.)

Bayramova, L.K., & Moskaeva D.R. (2011). Translation of the Phraseology of F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" into Tatar and French. *Bulletin of the Tatar State University for the Humanities [Bulletin of the TSU]*, 4(26), 155–160. (In Russ.)

Bakhtin, M.M. (1963). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow. (In Russ.)

Gyileyev, A. (1997). *Yagez, Ber Doga! Roman-khatir*. Kazan: Tatar. kit. nashr. publ.

Dostoevsky, F.M. (1974). *Uninayat hamzaaza*. Trans. by Rais Dautov. Kazan: Tatar. kit. nashr. publ.

Iskhakiy, G. (1991). *Zindan. Sailanma prose ham sahn asarlare*. Kazan.

Karimullin, A.G. (1962). *Tatar Literature in Translations into Russian (Bibliographic Index. 1917–1960)*. Kazan: Kazan. un-t publ. (In Russ.)

Khabutdinova, M.M. (2011). The Role of F.M. Dostoevsky in the Formation of Ayaz Gilyazov as a Writer. *Bulletin of the Tatar State University for the Humanities [Bulletin of the TSU]*, 4(26), 258–265. (In Russ.)

Minnibayev, K.S. (2004). *Translation is an Art: The Golden Age*. Kazan: Kaz. un-t publ. (In Russ.)

Nigmatullin, E.G. (2002). *Dialogue of Literatures: Index of Translations of Works of Russian Literature into the Tatar Language*. Kazan: “Unipress” publ. (In Russ.)

Nigmatullina, Yu.G. (1997). *Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literature*. Kazan: Fan publ. (In Russ.)

Shagiakhmetov, Z.Z. (2006). The Motive of Sacrifice in the Works of F.M. Dostoevsky and A. Gilyazov. *Dialogue of Cultures: Russian-Tatar Interrelations. Part III. Issue 2*. Moscow, Yaroslavl: Remder publ., 68–72. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Галимуллина Альфия Фоатовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

Шарьяфетдинов Рамиль Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета. ORCID ID: 0000-0002-2311-3820; e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Bio notes:

Alfiya F. Galimullina, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga region) Federal University. e-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

Ramil Kh. Sharyafetdinov, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Literature XX–XXI Century at the Moscow State Pedagogical University. ORCID ID: 0000-0002-2311-3820; e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su